

Н.Н. КИСЛИЦЫНА
(Симферополь)

КОННОТАЦИЯ В СВЕТЕ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ДИСКУРСА

Раскрывается значимость коннотации в аспекте дискурсологии. Особое внимание уделяется коннотативному значению слова с точки зрения адресанта и адресата. Информация, которой обмениваются коммуникант и коммуникант, передается по денотативному и коннотативному каналам, при этом корректное кодирование / раскодирование информации коннотативного характера требует от участников дискурса наличия особого вида знаний.

Ключевые слова: *дискурс, коннотация, коннотативный канал, коннотативный код, коммуникативный акт, адресант, адресат.*

Неоднозначность и смысловая «перегруженность» термина «коннотация», связанная с широким употреблением последнего в различных научных сферах, требует его отдельного рассмотрения в рамках конкретных дисциплин. Кроме того, инновативный подход к изучению коннотации обуславливается «внутренними закономерностями развития языкознания», которые, по мнению В.И. Карасика, характеризуются поэтапным «последовательным расширением науки о языке: система единиц и правил – функционирование этой системы – ситуативно-личностная обусловленность такого функционирования – его социокультурная детерминированность» [4, с. 13]. Анализ развития таких отраслей гуманитарной науки, как коммуникативная лингвистика, лингвокультурология, лингвостилистика, контрастивная лингвистика, переводоведение, когнитивная лингвистика и др., наглядно демонстрирует, что ни одно из этих направлений не может игнорировать коннотативный аспект языковых единиц.

Среди относительно молодых дисциплин в русле антропоцентрического направления, изучающих функционирование языка в реальных условиях и, следовательно, уделяющих приоритетное внимание проявлению коннотативно-оценочной семантики языковых единиц, находится и дискурсология.

В мировой и отечественной лингвистике дискурсология – это и отдельное научное на-

правление, и дисциплина, имеющая своей целью изучение дискурса – «сложного коммуникативного явления, включающего, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [5, с. 8]. Попытки определения дискурса, классификации его видов и типов приводятся в многочисленных научных исследованиях, среди которых следует отметить работы Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова, П. Сериио, Н.В. Васильевой, В.З. Демьянкова, Ю.Н. Караулова, Т.А. ван Дейка, Л.О. Чернейко, О.Г. Ревзиной.

Анализ этих работ показал, что, несмотря на многозначность термина *дискурс*, возможность его употребления в широком и узком смысле, наиболее распространенными точками зрения на этот феномен вообще и его категориальные свойства в частности являются:

1) представление дискурса как совокупности «функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка» [8, с. 86];

2) трактование дискурса как антропоцентричного явления с обязательным привлечением данных социокультурного и психологического характера;

3) рассмотрение дискурса как коммуникативного динамического события, в которое вовлечено сознание коммуникантов: адресанта (говорящего, пишущего) и адресата (собеседника, читателя).

Краткое перечисление основных свойств дискурса показывает, что применение дискурсивного подхода позволило лингвистам выйти за рамки изучения языка как абстрактной системы и, не выпуская из внимания собственно языковые единицы, формы и категории, переключиться на не менее значимые составляющие вербальной коммуникации: коммуникатор (адресант) и коммуникант (адресат, реципиент). Такой подход позволил системно и комплексно изучать лексическую семантику с учетом факторов, которые ранее часто выносились за рамки теоретического языкознания: «Discourse analysis emerged in the climate of growing interest in the process of meaning creation in real situations, where texts alone were insufficient evidence for the linguist, and settings, participants and goals of interaction came to the fore» [14, p. 99].

В свете вышесказанного представляется важной формулировка определения дискурса

в концепции профессора Л.О. Чернейко, рассматривающей вопросы лексической семантики с позиций когнитивной лингвистики: «Дискурс – это вербализованное мировоззрение, выступающее по отношению к речи как диктат смысла, ценности: субъект речевой деятельности через присвоенный им общий код (язык) оречевляет направляемое “присвоенной” им идеологией свое видение и понимание интенционального явления в границах принятой в данной культуре его символизации» [11, с. 56]. Из этого определения следует, что, во-первых, ведущая роль в дискурсе принадлежит субъекту, порождающему высказывание / текст. Это он, овладев языком – кодом, выбирает наиболее подходящие с его точки зрения языковые средства для объективации своих намерений. Во-вторых, в определении подчеркивается значимая роль идеологии и культуры при выборе как конкретных языковых средств, так и сценариев поведения. «Диктат вербализованного опыта “общения” социума с явлением (предметом материальным и идеальным), обусловленный исторически конкретным представлением о нем, направляет индивидуальную речевую деятельность» [Там же, с. 51–52]. И, в-третьих, в определении заявляется о доминировании «смысла» и «ценности» в процессе речепроизводства, лежащих в основе мировоззрения.

Следует подробнее остановиться на содержании понятий *мировоззрение* и *идеология*, которые достаточно часто использует автор приведенного выше высказывания. *Мировоззрение* представляет собой «совокупность принципов взглядов и убеждений, определяющих отношение к действительности» [10, с. 276]. Необходимо отличать это понятие от близкого по форме понятия *мировосприятие* – «восприятие человеком окружающего мира, действительности; мироощущение» [Там же], которое является более индивидуализированным, личностным (ср.: *миропонимание*, *мировидение*), чем опирающееся на систему социальных ценностей, догм и правил *мировоззрение*. Что касается *идеологии*, то хотелось бы подчеркнуть тот факт, что объем значения данного понятия, особенно применительно к контексту нашего исследования, не сводится исключительно к функционированию в политическом или правовом пространстве. Этимологически прослеживается явная связь этого понятия с системой самых разнообразных идей и представлений о мире.

Таким образом, дискурс «отражает накопленный поколениями опыт стихийного постижения действительности и представляет собой вербализацию обыденной картины мира со всей ее логикой и мифологией» [11, с. 55]. Несомненным достоинством термина «дискурс» является то, что он позволил соотнести значимость лингвистического и нелингвистического при изучении языка и речи. Зонтиковый характер этого термина синхронизировал социальную, культурную, психологическую, коммуникативную и собственно лингвистическую составляющие вербального общения.

В аспекте проводимого исследования заслуживает внимания еще одно определение дискурса, носящее обобщающий характер: «...дискурс – это общепринятый тип речевого поведения субъекта в какой-либо сфере человеческой деятельности, детерминированный социально-историческими условиями, а также утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [2, с. 41]. Стереотипное восприятие связано, в первую очередь, с оценкой, соотношением содержания высказывания с определенным эталоном и выражением определенных чувств и переживаний. Таким образом, одной из важнейших функций дискурса является эмоционально-оценочная, включающая в себя оценку участников коммуникативного акта; выражение собственного мнения с использованием соответствующих языковых средств; отражение ментальности лингвосоциума, его идеологии, мировоззрения и мировидения; знания, установки и представления адресанта и адресата.

Сложившиеся в определенном лингвосоциуме представления о фрагменте действительности часто носят образный, эмоционально-оценочный метафорический характер, «приписываются» объектам или субъектам без научных, объективно доказанных оснований, становясь частью коллективного сознания. В процессе вербализации данные представления закрепляются в качестве «со-значений» в семантической структуре уже существующих слов, дополняя их основное денотативное значение. Такие дополнительные значения в лингвистике принято называть коннотациями. Прямая связь коннотативных значений слов с системой стереотипов, культурно детерминированных представлений, ценностных ориентаций позволила отдельным ученым трактовать коннотацию как паралингвистическое яв-

ление, место которого, в лучшем случае, в энциклопедическом словаре.

Тут необходимо отметить, что любое значение слова, прежде чем вербализироваться, проходит все этапы номинации (означивания): от ментального представления в сознании носителя языка к собственно закреплённому в словаре значению языковой единицы. При этом на шкале номинационного процесса наблюдается множество пограничных случаев, которые свидетельствуют о том, что язык является незамкнутой постоянно развивающейся системой.

В процессе функционирования языковой единицы определённые представления об объектах, событиях, явлениях окружающего мира закрепляются за лексическими единицами и фиксируются в лингвистических словарях в качестве полноправных значений. В тех случаях, когда новое значение языковой единицы образовано в результате метафорического переосмысления или метонимического переноса, носит эмоционально-оценочный характер, его можно определить как коннотативное значение. Например: *Вождь 1. Предводитель войска, племени. 2. Высок. Руководитель, наставник* [10, с. 196]. Первое значение нейтральное, прямое, соответствующее таким контекстам, как *вождь краснокожих, вождь Апачей, военный вождь троянцев* и т. п. В словарях Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова в качестве стилистических помет используется также помета *устар.* Второе значение в риторических целях позволяет использовать это слово с положительной оценкой по отношению к любому лидеру или руководителю: *вождь мирового пролетариата, вождь рабочего класса, вожди просвещения и т. п.* Необходимо отметить, что в толковых словарях современного русского языка более поздних лет издания наблюдается иная иерархия подачи значений лексико-семантических вариантов данного слова. Данные изменения, по-видимому, связаны с изменениями реалий окружающего мира. Так, в толковом словаре Т. Ф. Ефремовой (2000 г.) на первом месте идёт *1. Общеизвестный идейный, политический и т. п. руководитель. Идейный вдохновитель какого-либо направления в области науки, литературы, искусства, и лишь затем следуют: 2. Предводитель племени и 3. Предводитель войска; полководец* [3]. Следующий пример демонстрирует употребление слова с отрицательной коннотацией: *1. Всадить. С силой воткнуть, вонзить и 2. Перен. просто-*

реч. Употребить, затратить в большом количестве: Всадить деньги в невыгодное предприятие [10, с. 228].

Как видно из примера, коннотативные значения слова обладают высокой степенью экспрессивности, поэтому лексико-семантические варианты слова в словарных толкованиях сопровождаются стилистическими пометами, т. е. являются стилистически маркированными. Этот формальный признак позволил ряду исследователей рассматривать коннотацию как исключительно стилистическое явление.

Исследование коннотации с позиции общей теории дискурса позволило выявить её значимость с точки зрения говорящего и воспринимающего текст: «осмысленное словопользование требует от говорящего адресацию к слушающему» [1, с. 54]. Основная задача адресата – наиболее доступно, понятно выразить свое мнение, оценку происходящего и, по возможности, убедить слушающего, воспринимающего сообщение, в правильности своей позиции. На эту задачу прямо указывал Т. А. ван Дейк, называя в качестве основного свойства прагматической теории естественного языка «the principle according to which the speaker somehow wants to change the system of hearer, i.e. his system of systems of knowledge, belief, intention, wants and evaluation» [12, р. 40–41]. Для этого он будет стремиться подбирать такие языковые средства, которые, с его точки зрения, собеседник сможет адекватно декодировать, воспринимая поверхностную, данную в денотативном представлении, и глубинную, представленную коннотативным содержанием, информацию. «Природа языка и речевой коммуникации принципиально интерактивна, и каждое высказывание адресовано, следовательно, его ценностный фон выстраивается на основании допущений, производимых говорящим относительно ценностного базиса адресата как вероятного реципиента и интерпретатора смысла высказывания» [9, с. 433]. Для успешного протекания коммуникативного акта собеседники должны, по крайней мере, принадлежать к одной культурно-исторической группе или иметь представление о базовой системе ценностных ориентаций, принятых в данном лингвосоциуме.

Нобелевский лауреат в области литературы писатель польского происхождения Czesław Miłosz, комментируя свои усилия при переводе с польского языка на английский, отмечал существование «гар» (пропасти) между

«the common memory of English speaking readers» и «the common memory of Polish readers». В качестве факторов языкового характера, обуславливающих существование этой «пропасти», Miłosz называл «highly disparate semantic and connotational fields (жирный шрифт мой. – Н.К.) of words and concepts» [13, с. 290].

Определяя понятие интертекстуальности, Юлия Кристева писала: «...будучи не чем иным, как дискурсом, получатель также включен в дискурсивный универсум книги. Он, стало быть, сливается с тем другим текстом (другой книгой), по отношению к которому писатель пишет свой собственный текст, так что горизонтальная ось (субъект – получатель) и вертикальная ось (текст – контекст) в конце концов совпадают, обнаруживая главное: всякое слово (текст) есть такое пересечение двух слов (текстов), где можно прочесть, по меньшей мере, еще одно слово (текст)» [6, с. 429].

Необходимость вербального выражения ментальности социума, коллективного бессознательного дает основания считать возможным существование не только денотативной системы языка, но и не менее значимой коннотативной системы, которая обуславливает интерсемиотичную полифонию слова как языкового знака. Слово одновременно принадлежит и языку, и носителю языка, и культуре как холистической системе, представляющей собой «совокупность социально приобретенных и транслируемых из поколения в поколение значимых идей, ценностей, обычаев, верований, традиций, норм и правил поведения, посредством которых люди организуют свою жизнедеятельность» [7]. Таким образом, дискурсивный подход к рассмотрению коннотации позволяет разделить два канала, используемые участниками дискурса в процессе общения: денотативный и коннотативный.

Информация, которая передается по коннотативному каналу, характеризуется рядом специфических черт: это информация энциклопедического характера об окружающем мире (социальная, профессиональная, биологическая характеристики участников дискурса, включающие указания, носящие оценочный характер, на пол, этническую принадлежность, возраст, эмоциональное состояние и др.); это лингвистическая информация, носящая социокультурный и стилистический характер (отклонения от языковой нормы и характер этих отклонений); и наконец, это информация интертекстуального характера, позволяющая рассматривать текст в целом и

каждое «литературное слово» не как некую точку (устойчивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – самого писателя, получателя (или персонажа) и, наконец, письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом» [6, с. 428].

При этом, если рассматривать язык как код, то в нем можно выделить денотативный код, понятный всем носителям языка, и коннотативный код, также понятный всем носителям языка, членам данного лингвосоциума, но требующий отдельного изучения, пояснения, растолкования для **не** носителей определенного языка и культуры, т. е. иностранцы, изучающие новый для них язык, должны не только учить денотативные значения слов, зафиксированные в словаре, но и учиться извлекать коннотативные смыслы из языковых единиц.

Таким образом, рассмотрение коннотации с позиции общей теории дискурса позволило продемонстрировать ее интерсемиотичный характер и коммуникативную значимость как экспрессивно-оценочного феномена. Интерсемиотичность коннотации проявляется в учете экстралингвистических аспектов, возможности языковых знаков представлять различные виды знания и их отражение в сознании носителей языка, что соответствует выполнению языком когнитивной функции. Коммуникативная значимость коннотации определяется ее прагматической направленностью – вербальным взаимодействием адресанта и адресата в процессе их дискурсивной деятельности.

Список литературы

1. Агапова С.Г., Агапова Е.А., Гущина Л.В. Манипуляция общественным сознанием в политическом дискурсе СМИ (на материале английского языка): учеб. пособие на модульной основе с диагностико-квалиметрическим обеспечением. Ростов н/Д.: Изд-во «Фонд науки и образования», 2014.
2. Болсуновская Л.М., Диденко А.Д. Дискурсология: анализ теоретических подходов к исследованию дискурса // Вестник ЧитГУ. 2010. № 7 (64). С. 39–44.
3. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/147796/Вождь> (дата обращения: 01.04.2016).
4. Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: перспективы развития // Ментальность и изме-

- няющийся мир: кол. монография: к 75-летию проф. В.В. Колесова / отв. ред. М.В. Пименова (Сер. «Славянский мир». Вып. 1). Севастополь: Рибест, 2009. С. 13–20.
5. Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. С. 5–11.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму / пер. с фр., сост., вступ. ст. Г.К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
7. Культурология: теория, школы, история, практика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.countries.ru/library/theory/cultterm.htm> (дата обращения: 07.04.2016).
8. Макаров М. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003.
9. Сидорова Н.А. Речевое высказывание в контексте ценностно обусловленного дискурса // Магия ИННО: новое в исследовании языка и методике его преподавания: материалы Второй науч.-практ. конф. / отв. ред. Д.А. Крячков; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (университет) М-ва иностр. дел Рос. Федер. Секции 1–4. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 430–434.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985 – 1988. Т. I.
11. Чернейко Л.О. Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30.
12. Dijk, T.A. van Pragmatics and Poetics // Pragmatics of Language and Literature. Amsterdam, 1976. P. 23–55.
13. Karwowska B. Czesław Miłosz's Self-Presentation in English Speaking Countries // Canadian Slavonic Papers. University of Alberta: Hignell Printing Ltd., 1999. P. 273–295.
14. McCarthy M. Issues in Applied Linguistics. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- * * *
1. Agapova S.G., Agapova E.A., Gushhina L.V. Manipuljacija obshhestvennym soznaniem v politicheskom diskurse SMI (na materiale anglijskogo jazyka): ucheb. posobie na modul'noj osnove s diagnostiko-kvalimetriceskim obespecheniem. Rostov n/D.: Izd-vo «Fond nauki i obrazovanija», 2014.
2. Bolsunovskaja L.M., Didenko A.D. Diskursologija: analiz teoreticheskikh podhodov k issledovaniju diskursa // Vestnik ChitGU. 2010. № 7 (64). S. 39–44.
3. Efremova T.F. Sovremennyj tolkovyj slovar' russkogo jazyka [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/147796/Vozhd> (data obrashhenija: 01.04.2016).
4. Karasik V.I. Aksiologicheskaja lingvistika: perspektivy razvitiya // Mental'nost' i izmenjajushhij mir: kol. monografija: k 75-letiju prof. V.V. Kolesova / отв. ред. М.В. Пименова (Сер. «Славянский мир». Вып. 1). Sevastopol': Ribest, 2009. S. 13–20.
5. Karaulov Ju.N., Petrov V.V. Ot grammatiki teksta k kognitivnoj teorii diskursa // Т.А. ван Дейк. Jazyk. Poznanie. Kommunikacija. M., 1989. S. 5–11.
6. Kristeva Ju. Bahtin, slovo, dialog i roman // Francuzskaja semiotika: Ot strukturalizma k post-strukturalizmu / per. s fr., sost., vstup. st. G.K. Kosikova. M.: Progress, 2000. S. 427–457.
7. Kul'turologija: teorija, shkoly, istorija, praktika [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.countries.ru/library/theory/cultterm.htm> (data obrashhenija: 07.04.2016).
8. Makarov M. Osnovy teorii diskursa. M.: Gnozis, 2003.
9. Sidorova N.A. Rechevoe vyskazyvanie v kontekste cennostno obuslovlennogo diskursa // Magija INNO: novoe v issledovanii jazyka i metodike ego prepodavanija: materialy Vtoroj nauch.-prakt. konf. / отв. ред. Д.А. Крячков; Моск. гос. ин-т междунар. otnoshenij (universitet) M-va inostr. del Ros. Feder. Sekcii 1–4. M.: MGIMO-Universitet, 2015. S. 430–434.
10. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. / AN SSSR, In-t rus. jaz.; pod red. A.P. Evgen'evoj. M.: Rus. jaz., 1985 – 1988. T. I.
11. Chernejko L.O. Bazovye ponjatija kognitivnoj lingvistiki v ih vzaimosvjazi // Jazyk, soznanie, kommunikacija: sb. st. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 30.

Connotation in the light of the general discourse theory

The article deals with connotation in the aspect of discourse study. Special attention is paid to the connotative meaning of a word from the view of an addressee and an addresser. The information sent from a sender to a receiver is transmitted through denotative and connotative channels; correct coding / decoding of connotative information requires some particular knowledge.

Key words: *discourse, connotation, connotative channel, connotative code, communicative act, addresser, addressee.*

(Статья поступила в редакцию 21.04.2016)